

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Георгий ЛОПАТИН

**ПОПАДАНЕЦ
ОБЫКНОВЕННЫЙ**

Роман

Москва, 2013

САРМАДА

&

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л77

Серия основана в 2004 году
Выпуск 505

Художник
С. А. Григорьев

Лопатин Г.
Л77 Попаданец обыкновенный: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 311 с.:
ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1636-3

Сотни тысяч людей пропадают по всему миру без следа. Попал в это число и охотник за аномалиями Кирилл. Неизвестно куда пропадают остальные, а он попал в параллельный мир, где правит балом магия. Кирилл идет в земли людей в надежде найти того, кто отправит его назад, по пути обрстая подругами... правда нечеловеческого роду-племени. Но он надеется, что это только пока...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1636-3

© Георгий Лопатин, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ПРОЛОГ

Кирилл. Охотник на НЛО и прочие неопознанные явления

Меня зовут Кирилл Мясищев. Я — поисковик. Нет, я не из тех, кто занимается благородным делом и ищет останки павших воинов на полях сражений Второй мировой, рискуя подорваться на проржавевшей мине или снаряде. Место жительства подкачало — Сибирь. Я из «Космопоиска». Да-да, из тех самых шизанутых, что ищут зеленых человечков, охотятся за летающими блюдцами и исследуют, если можно так выразиться, всяческие аномалии и прочие необъяснимые явления, и этого добра в Сибири хватает. Хобби у меня такое.

Вот и сейчас я сижу в засаде на разум внеземной. От местных жителей из богом забытой деревушки поступил сигнал о световых явлениях и пропаже коровы.

Мне предложили смотаться посмотреть, что да как, и я недолго думая оседлал свой советский байк и рванул навстречу неведомому. В одиночку — потому как не сезон: начало сентября, все на картошке, а я овощеводством не балуюсь.

Засел я, значит, в кустах, поставил одноместную палатку пятнистой расцветки, мотоцикл свой, синий «Восход» восемьдесят третьего года выпуска, всего на два года младше меня, припарковал за палаткой и все это еще дополнительно замаскировал ветвями.

Хотя смысл... Да смысла в этом нет. Если тут на поляне третий день и впрямь шалит разум внеземной на своих летающих чайниках, то все мои маскировочные ухищрения не стоят и ломаного гроша: заметят как пить дать, я им буду виден как на ладони, словно голый дурак, прикрывающий свое хозяйство куском прозрачного стекла. Если это при-

родная аномалия, то смысла маскироваться тем более нет. Ну да ладно...

Рядом поставил аппаратуру от нашего Электроника (так мы зовем нашего любителя-конструктора) — всякие датчики, позволяющие фиксировать отклонения по десяткам различных параметров, все это завязано на ноут, чтобы я мог отслеживать изменения в режиме реального времени по хитрым графикам. Датчики ведь могут засечь аномалию намного раньше, чем она проявится и можно будет ее увидеть невооруженным взглядом.

Поскольку подобные засады частенько приходится организовывать вдали от населенных пунктов, в диких местах, где чудеса, где леший... в смысле волки с медведями бродят, то рядом со мной всегда лежит мощная пневматическая винтовка.

Названия не сообщу из принципа. Производители мне не платят за рекламу... А то как откроешь книжку, то прямо как оружейный буклет читаешь, сплошные названия стрелялок, взрывалок и прочих леталок, ТГХ¹ на полстраницы.

Про свою винтовку скажу, что иностранная, весит четыре с половиной кило, шестизарядная, на двадцать выстрелов с одной заправки, калибра 9 миллиметров.

Купили знакомые за границей мне на двадцатипятилетие. Дорогой подарок.

Против медведя, конечно, пневматика совсем не пляшет, но вот против волков уже самое то, учитывая, что пульки у меня самодельные... запрещенные. Кто бы только знал, сколько трудов мне стоило сделать пули с каленым сердечником, это учитывая калибр! Брр... Дум-дум проще. Тоже есть.

К чему такой геморрой и почему нельзя было вооружиться нормальным охотничьим стволом типа «тигра» и прочей «сайги»? А с этим делом геморрой еще больше. Сейф огнестрелу купи, охотничий билет оформи и продлевай, боеприпасы дорогие (пострелять я, скажу прямо, люблю), а если учитывать, что очень часто всякие явления происходят в заповедниках, куда с огнестрелом ни-ни, то вообще труба. А так пневматика и пневматика — поехал, мол, по бу-

¹ Тактико-технические характеристики.

тылочкам пострелять, даже если и поймают, то ничего предъявить не смогут (нестандартные пули я в труднодоступном тайнике вожу). Полиционеры опять же в дороге не подкопаются.

Хотя надо отметить, что для пневматики с таким внушительным калибром, как у меня, должны были сопутствовать все юридические проблемы, что и для огнестрела, — разрешения, лицензии, сейфы и так далее. Но этот момент я обошел благодаря тому, что этот подарок, купленный за бугром, как-то прошел по недосмотру в таможене без придинок, без обязательной полноценной регистрации, как из магазина. Сделал второй ствол под четыре с половиной миллиметра — детский калибр. Сам ствол взял от простой «переломки», подшаманил — и вуаля! Все чики-пики, никто не придерется!

По дороге едешь со стволом на четыре и пять, а на месте ставишь «девятку».

Так вот, винтовка всегда со мной плюс разные отпугивающие составы — дымшашки и газовые баллончики, — они как раз медведей хорошо отгоняют, а если не отгонят, то придется отстреливаться — бить по глазам. На крайний случай есть ракетница с десятью выстрелами.

Вот так вот сижу, на природу гляжу, музыку слушаю, или книжку с компа читаю. Пока все тихо и спокойно. Гадаю про себя: пустышку тяну или действительно стану свидетелем чего-то странного? Хотелось бы последнего, естественно, но, как правило, тяну пустышку в девяноста девяти процентах случаев. Однако такова судьба таких шизиков, как я.

Вот опустился вечер, и я приготовился. По свидетельству аборигенов — и я очень надеюсь, что это были не их пьяные галлюцинации от самопальной браги, — явление проявляется в полночь.

Кстати, что они вообще тут забыли в полночь в пяти километрах от деревни, вдали от связующих населенные пункты дорог? Браконьерили? Ну да ладно, я не егерь... сам иногда балуюсь, зайчишку там прихлопну на жаркое, птичку какую, рыбку спиннингом во время нереста...

Полночь. Все показатели — от радиации до гравитации — в норме (если Электроник наш реальные датчики

смастачил, а не напаял всякой ерунды, как бог на душу положит, засунув в пластиковую коробку), нет никаких пиков на графиках, визуально тоже ничего не просматривается. Через час я начал думать, что приехал зря.

Два часа ночи — тишина.

— Ну, значит, не судьба, — протянул я разочарованно.

И в этот момент, словно мой голос стал камешком, спустившим лавину, метрах в тридцати в визуальном диапазоне что-то произошло. Прошла какая-то рябь, что-то словно колыхнулось, и появилось легкое свечение.

Я тут же схватил камеру и стал снимать, надеясь, что она все же зафиксирует то, что я вижу, а то иногда бывает: человек что-то видит, а аппаратура нет, как и наоборот, а еще чаще — аппаратура вырубается к чертям... Было такое из личного опыта, но опять же не докажешь, что аномалия виновата.

Но пока вроде все в порядке, камера исправно пишет, а аномальное явление проявляется.

Меня аж потряхивало от возбуждения, чего уж тут говорить — ведь по сути это было первое явление, что мне удалось реально зафиксировать. Меня уже стало так колбасить, что картинка просто плясала, и я, понимая, что так ничего не зафиксирую, захотел поставить ее на штатив.

И в этот момент аномалия стремительно метнулась ко мне, я еще успел подумать, что она, похоже, среагировала на движение, словно хищник. Я даже не успел испугаться толком, как оказался внутри сияния, потом сверкнула яркая вспышка, ослепившая глаза, и я выпал из реальности.

ГЛАВА 1

Кирилл. Попаданец обыкновенный

Когда очнулся, уже рассвело. Более того, солнце висело ровнехонько в зените, над самой головой. Птички всякие щебетали, дятел выдавал частую дробь (и как он себе только мозги не отбивает?), вдалеке кукукала кукушка, отсчитывая чью-то жизнь. Надеюсь, не мою... Стрекотали и жужжали насекомые, ползали по моей морде лица наглые муравьи...

— Ч-черт, вот это меня приложило, — пробормотал я, с трудом вставая.

Хорошо, что не сожрал никто. Впрочем, животные стараются избегать аномальных зон. Это не люди, они их чувствуют незнамо каким местом и органом чувств.

Первым делом проверил аппаратуру — не сожгло ли ее этой вспышкой. Но вроде нет. Камера работала исправно, данные сохранились, что несказанно обрадовало. Комп тоже в полном порядке и даже успел подзарядить свои батареи от еще вчера развернутой солнечной панели.

Сотовый тоже в порядке... нет, не в порядке. Где «палки» приема? Были же, всего две штуки (правда, это с учетом самодельной антенны из алюминиевой проволоки метровой длины), но до сети доставал.

Включил режим радио, и... тишина. Только треск атмосферных помех.

Это было странно, учитывая что сотовый сам по себе как прибор работал без проблем. Ладно, это не критично. Выйду к людям и свяжусь.

Собственно, пора собираться. То, за чем я приехал, — получил, зафиксировал, пора домой, обрабатывать полученные данные и гадать над тем, свидетелем и даже участником чего я, собственно, стал. Меня прямо-таки перепол-

нял восторг. А повторять наблюдение как-то не тянуло: по-пасть под вспышку второй раз не хотелось. Кто ее знает, как она влияет на организм, как бы импотентом от этого не стать...

Оторвав взгляд от своей аппаратуры, я замер. Только сейчас заметил, что пейзаж вокруг довольно сильно изменился. Я по-прежнему находился в лесу, да вот полянка, на которой происходило необъяснимое явление, отсутствовала. Везде деревья и кусты. Не выросли же на ней за ночь вековые деревья!..

Естественно, первой мыслью стало, что надо мной пошутили. Как-то вывели меня из строя и перенесли на новое место. Но подобное самоуспокоение не выдерживало никакой критики, вдребезги разбиваясь о реальность. Во-первых, как меня отрубили? А во-вторых, на кой это вообще кому-то надо? Аборигенам больше делать нечего?

Подкатила паника. Я заозирался выпученными от страха глазами, усилием остатков воли подавляя в себе желание вскочить и куда-то с диким криком мчаться.

Мозг, дабы избежать перегрузки сознания с последующим переходом в невменяемое состояние, перешел в режим спячки, то есть я погрузился в оцепенение.

Сколько провел в таком состоянии времени, не знаю, по часам не засекал, но, когда стал наконец соображать, сообразил, что попал, и попал по полной, став классическим попаданцем со всеми вытекающими приключениями на то место, которым обычно сидят.

То, что я стал персонажем целого направления фантастической литературы, подтверждалось и окружающим меня миром — не только тем, что изменился пейзаж, исчезла поляна, — но и растительностью. Я много где успел побывать, но таких красно-белых цветочков нигде не видел.

Деревья, кустарники, трава — все было другим, другая форма и размеры листьев, ни одного знакомого растения. Оставалось гадать, какие здесь водятся животные...

Последняя мысль поставила меня на боевой взвод, я вскочил и схватил винтовку. Но в качестве обеда меня пока никто не рассматривал.

Вновь возникло желание свалить. Но, немного успоко-

ившись, я решил, что это всегда успеется. И вообще странно, что, попав в другой мир, попаданцы тут же делают ноги из района появления.

Я этой ошибки делать не стал. Если какая-то хрень перенесла меня сюда, не знаю куда, то, может, она перенесет меня обратно?

Очень хотелось на это надеяться. И я надеялся, потому как больше, собственно, делать было нечего. Только сидеть и ждать.

Солнце медленно катилось по небосводу, припекало знатно — видать, здесь самый разгар лета. Хоть один положительный момент, а то зимней одежды у меня нема. В осенней долго не протянуть.

Вот и вечер. Я неотрывно пялился в экран ноутбука и по сторонам.

Полночь. Ничего.

Час ночи. Тихо.

Два часа. Глухо.

Три, четыре, пять... Уже давно рассвело, но аппаратура ничего не засекала, и сам я ничего не заметил.

Вот тут-то меня и накрыла паника. Тихая. Я сидел, сжавшись в комок, и крупно дрожал. Я ведь никогда ни о чем подобном не мечтал и никогда не мог понять литературных героев, что чуть ли не с радостью, маршем и с песнями под барабанный бой шли исследовать новый мир, абсолютно ничего о нем и его опасностях не зная. Может, тут индейцы майя «добровольцев» на жертвенных камнях режут!..

На своем месте я провел еще двое суток, практически не отлучаясь от аппаратуры, почти не ел и не спал. Извелся, тихо сходил с ума... но ничто не изменилось. Аномалия, забросившая меня сюда, больше не возникала.

Тут до самого большого тугодума дойдет, что больше высиживать... кроме своих фаберже, нечего. Конечно, боязно, так и проскакивает мысль, что ты уйдешь, а аномалия сроботает — и шанс упущен.

Но с другой стороны, здесь можно сидеть до заговенья. Беда лишь в том, что еда подходит к концу. В любом случае придется отвлекаться на охоту, и надолго.

Конечно, можно обустроиться, и рано или поздно, если явление все же регулярно повторяется, можно его подловить. Но что-то говорило мне, что шансы подобного стреляться к нулю.

Так что надо сваливать и, как любой другой уважающий себя попаданец, идти исследовать мир, становиться бароном, обзаводиться гаремом из эльфиек... темной и светлой. Хотя, может, ну ее, темную, учитывая их славу стерв-истязательниц. Я ведь не мазохист...

Интересно, они тут вообще есть? Если есть, то и остальные расы тоже наверняка должны присутствовать.

А магия? Может, я, как типичный попадун, являюсь скрытым мегаархимагом?! Местные маги при виде меня, когда обучусь, конечно, будут нервно курить в сторонке... а враги, если вдруг таковые обнаружатся в поле зрения, как у любого другого попаданца, — мочиться от страха и убежать на карачках.

На худой конец, заделаюсь великим прогрессором, буду деньги грести лопатой, варя стекло, куя булат и еще что-нибудь творя...

Я от этих мыслей засмеялся и ржал до колик в животе, валяясь на земле, и под конец едва сопел, не в силах разогнуться. Что поделать, нервная реакция...

Отсмеявшись и кое-как разогнувшись, стал собираться в дорогу.

— И будем надеяться, что в этом мире все же есть люди...

Я быстренько собрал всю свою электронику, скатал палатку и загрузил это на своего старичка — «зайчика» или «кролика», не знаю кого нарисовали на эмблеме «Восхода».

Загрузить-то загрузил и уже решил резко дернуть ногой дрыгалку, чтобы завести двухколесного коня, но в последний момент передумал. Далеко по лесу я все равно не уеду. Я к полянке-то едва проехал, а она не так уж глубоко располагалась от дороги, что вела на деревенские сенокосы да грибные места, — а уж тут, по этим буреломам?!

Шум опять же. Зачем шуметь мотором на весь лес? Не стоит привлекать к себе лишнего внимания раньше времени. Сначала надо провести разведку, самому посмотреть,

что да как вокруг, и выходить к людям по своей инициативе. А то мало ли что... объявят еще демоном и спалят на пионерском костре.

Так что зайчику-кролику придется остаться здесь с большей частью аппаратуры. Ноутбук тоже хотел оставить — с собой таскать неудобно и тяжело, без книг в нем как-нибудь обойдусь, тем более что справочников там никаких нет, — но жаба задушила. Взял. Прихватил также простейшую лазерную сигналку, из датчиков которой можно образовать квадратный сигнальный контур: никто не подберется незамеченным, обязательно пересечет луч. Правда, от ландшафта тоже многое зависит...

Камеру возьму. Она у меня чудо как навороченная, чего только стоит режим ночного видения. Телефон к чертям. А солнечную панель беру с собой — заряжать батареи ко всему остальному.

Понятное дело, что беру палатку со спальником и рюкзак с остатками провианта, коего хватит еще максимум на два дня, но лучше бы перейти на подножный корм. Также взял аптечку с необходимым минимумом лекарств. Не забыл насос для подкачки воздушных баллонов для пневматики. Также на мне бинокль, нож охотничий на поясе и складной в кармане, туристский топорик за спиной. Спички, зажигалка. Фляжка с водой плюс термос (уже давно пустой) в рюкзаке. Лопатка, называемая саперной, тоже при мне. Спиннинг.

Нагрузился как вол. И объем, и масса груза получилась весьма приличной. Но запас карман не тянет. Все нужно.

Немного подумав, прихватил все консервные банки. Сколько раз замечал, что, едва выбросишь ненужную вещь, она требуется чуть ли не на следующий день. Авось и банки на что пригодятся. Весят немного.

В пластиковую бутылку из-под американской газировки, что растворяет внутренние органы не хуже серной кислоты, из бензобака слил бензина. Можно будет огнемет сделать, если дырочку в крышке проделать. Самому бы при этом не сгореть...

Ну, вроде все... готов двигаться. Подняться бы только...

Прошагав с три километра, уткнулся в водную преграду, сиречь реку. Вроде небольшую, шириной метров десять, и неглубокую, под полтора метра в стремнине, — но смысл ее преодолевать? Лучше уж по ней сплавиться, куда бы она ни текла, тем более что особого маршрута движения у меня нет. А учитывая, что все поселения находятся у источников воды, — это тем более самый верный способ добраться до местной цивилизации.

Хотел было вернуться к мотоциклу — такое-то расстояние я всяко-разно преодолею, — но потом решил: зачем? Вдруг аборигены какие каннибалы, придется резко делать ноги, так зачем им на растерзание моего железного демона оставлять? Ну уж нет.

Ну а раз так, принялся за изготовление плота. Вот уж намахался я топориком, сколько за всю свою жизнь не махал. Свалил четыре сухих ствола и кое-как связал их капроновой веревкой. Держал плот вроде неплохо. Но палатку пока решил не ставить — мало ли что, может, впереди пороги или, того хуже, водопад, а терять имущество неохота.

Речка на вид была кристально-прозрачной, и я рискнул набрать в уже опустевшую фляжку воды. На всякий случай прокипятил — вкус после кипячения не ахти, но рисковать не хотелось: мало ли какие микроорганизмы водятся в местной воде. Хотя, с другой стороны, если уж на то пошло, я давно инфицирован... Ладно, к черту мысли о болячках, пора отдавать концы... в смысле у плота. И я отдал, оттолкнувшись шестом от берега и выходя на центр русла, где меня подхватило довольно приличное течение, только успевай поддерживать курс.

Так я и плыл-шел до самого вечера.

Была мыслишка остаться на плоту, предварительно его заякорив, но передумал — слишком уж ненадежно. До меня хищник при желании добраться сможет без особых проблем, а вот я убежать быстро уже не смогу. Так что лучше на сушу, а еще лучше — на дерево, вон как раз подходящее. Я и так сильно рисковал в прошлые ночевки — хорошо, что обошлось.

В разлапистом дереве обустроил себе лежанку, соорудив настил из жердей между ветками. Они росли как-то странно: ярусами.

Поужинал же пойманной в реке рыбиной. Я вообще в рыбе не разбираюсь, так что не знаю, что это было, но размер хороший, с руку длиной, так что рыбешки мне хватило за глаза. Запек ее в углях.

И на боковую.

Несмотря на стресс, отрубился практически сразу. Сказались бдения прошлых суток.

Проснулся от удара по дереву и, не привяжись я к нему веревкой, свалился бы на землю что твой поспевший плод. Скорее всего, и до земли бы не долетел, а угодил прямо в пасть жуткому чудо-юде, что разочарованно взревело так, что у меня кровь в жилах застыла и я чуть реально не обделался от страха.

Чудовище протаранило дерево вновь, словно решив его повалить, и я принялся спешно копошиться в своих запасах в поиске того, чем бы эту страшилу отпугнуть. Схватил баллончик с перцем и прыснул в гада.

Лучше бы я этого не делал. Чудовище взревело так пронзительно, переходя на ультразвук, что я чуть не оглох и не скончался от разрыва сердца. После чего зверюга неизвестного вида принялась крушить ствол своими чудовищными по длине, крепости и остроте когтями. Бензопила «Дружба» отдыхает — во все стороны летели кора и щепа. Чудовище реально решило свалить дерево и достать обидчика.

Вспомнил о бензинчике и, отвинтив крышку, полил на животину, этак с пол-литра: жалеть драгоценное топливо в таком случае не стоит — жизнь дороже. Животное на жидкость почти не обратило внимания, лишь презрительно фыркнуло — наверное, подумало, что это результат страха и мало ли у кого как моча воняет... а зря. Ярko вспыхнула туристическая спичка и метеором упала вниз. Мгновение — и внизу запылал живой костер.

Завоняло паленой шерстью. Зверь заорал и, оставив ремесло лесоруба, принялся носиться кругами и прочими зигзагами и периодически валяться по земле, пытаясь сбить обжигающее пламя. Получалось пока не очень, а я подготовил ракетницу. С пневматикой против такой туши не по-прешь: страхолудина просто не заметит пулю.

К счастью, сигнальный боеприпас переводить не пришлось. Зверь умчался прочь в сторону реки, куда, скорее всего, и плюхнулся, гася огонь, а возвращаться, наверное, передумал — слишком уж жестокой оказалась добыча. И правильно сделал.

Так что на следующую ночь, преодолев за день некоторое количество пространства, не встретив ни одной живой души и даже следов разумной деятельности, я выбрал дерево покрепче и забрался повыше. На этот раз приведя все свое оружие в полную боевую готовность, чтобы не терять ни минуты времени на поиски.

— Да чтоб вас... — ругнулся я, вздрогнув, когда услышал вдалеке протяжный волчий вой.

Ему вторил другой волк, потом третий и четвертый. Все немного с разных сторон, но примерно с одного направления — если я не ошибаюсь, к востоку от меня.

Потом стали слышаться тьявкающие звуки, и их характер был таков, что сразу стало ясно: волки загоняют добычу, отрезая ей пути к отступлению и возможности маневра, загоняя в ловушку, элементом которой являлась река, — это, наверное, на тот случай, если они раньше не нагонят ее.

И что самое поганое — направление они держали примерно в мою сторону. Не хотелось бы связываться с серыми санитарями, или какого здесь волки окраса и размера.

Прав был старик Мэрфи, сказав, что, если есть вероятность того, что гадость может случиться, — будьте уверены, она непременно произойдет.

Правильно: волки шли точно на меня, точнее, к дереву, на котором я засел. Но сначала под ним пронеслась человеческая фигура.

Вид гуманоида — кем бы он ни был, в темноте не разобрать, несколько вышиб меня из колеи, потряс и обрадовал, да так, что я пропустил появление волков, выскочивших из темноты буквально в следующий момент.

Еще пара секунд — и первый волк догнал свою жертву, повалил на землю. Там раздался крик, вой, послышалась возня.

«Моего возможного проводника Пятницу мочат!» — подумал я и вскинул винтовку, сразу же засаживая первые

пули в следующих выскочивших за вожаком волков с горящими красным глазами.

Раздался вой. Да, для волков пули дум-дум, да еще со столь короткой дистанции, — это уже серьезно, мышцы и кишки, в зависимости от того, куда я попадал, им рвало только так.

Пять волков свалились, еще трое продолжали терзать жертву. Нет, уже двое. Жертва оказалась не так проста и одного волчару серьезно покалечила, так что он отвалил в сторону.

Я быстро зарядил свою воздушку и стал тщательно целиться, чтобы не попасть в возможного «языка». Но потом плюнул на тщательность — каждая секунда на счету, потенциального союзника вот-вот порвут на лоскуты, наверняка ему уже хорошо досталось от волчьих зубок, — так что я начал высаживать пулю за пулей при малейшей возможности.

Один готов. Оставшийся волк, почував неладное, разорвал дистанцию от жертвы, чтобы осмотреться, за что и поплатился: пуля вошла ему в бочину, превратив внутренности в кашу. Волк, взыв от боли, рухнул на землю.

Свалился и спасаемый, секунду назад вскочивший на одном адреналине. Ему следовало немедленно помочь, но прежде требовалось добить волков, для чего пришлось еще раз зарядить винтовку и бить серым в район сердца, чтобы наверняка. Засаживал по две пули.

Все, волки перестали дрыгаться даже в конвульсиях. Можно спускаться и оказывать пострадавшему первую медицинскую помощь.

ГЛАВА 2

Кирилл. Пападанец в роли доктора Айболита

Прихватил аптечку с фонариком и резво спустился. Быстро нарубил веток, свалил все это вдоль тела в метре от пострадавшего, не упуская того из виду — вдруг еще кинется, приняв за врага, в таком состоянии действуют на инстинк-

тах, — сбрызнул дрова бензином и поджег. Света нужно много — светодиодного от налобного фонаря недостаточно.

Огонь ярко вспыхнул, осветив спасенного, и я отшатнулся. Нет, не от вида чудовищных, нанесенных волчьими зубами ран, хотя эти раны были просто кошмарными. Предомной лежал... не человек. Гоблин, самый что ни на есть натуральный гоблин, а если быть еще точнее, то гоблинка, или гоблинша... Как определил? Ну дык чего там определять? Волки постарались раздеть свою жертву перед употреблением, да и чего там было раздевать? Содрали лифчик с набедренной повязкой из шкуры — и вся недолга.

Что сказать о внешности, если забыть про раны. Рост едва под полтора метра, про цвет кожи не скажу — огонь и синеватый свет от налобного фонарика не давали точно определить, — но темный, вроде даже зеленоватый. Тело... тело вполне... вполне приятное на глаз. На ощупь от человеческого точно бы не отличил, в том числе что касается груди — размерчик тоже неплох относительно невысокого роста. Второй точно есть...

Касаемо же головы — тут имелись явные отличия. Первое, что выделялось, — это уши. Довольно большие, чуть оттопыренные, «слоновые», площадью с мою ладонь, но гармоничные. Что касается непосредственно лица, то особого отторжения не вызвало, хоть и гоблинша. Я, признаться, думал, что будет уродство, как рисуют гоблинов у нас: мерзких поганцев, — но нет, при ближайшем рассмотрении можно даже назвать милым. Хотя мужики гоблинские могут быть и явными уродцами, женщины же на лик мягче... Ну и волосы — длинные, собранные в хитрую плетеную прическу, сейчас изрядно растрепанную и залитую кровью.

Все это я оценил в одну секунду, и встал, собственно, насущный вопрос: что прикажете с ней делать? Спасать или добить, чтобы не мучилась? Проявить, так сказать, милосердие...

С одной стороны, это «язык» — какой ни есть, но «язык». С другой стороны, а много ли знает этот «язык», прежде носивший в качестве одежды пару шкурок? Ведь такое одеяние, да и каменный ножичек как оружие, выдает в них отпечатавшихся дикарей, и информации много явно не вытянешь. Это я

уже молчу о том, что «язык» — гоблинка, не человек. Не то чтобы я был ксенофобом, но гоблины есть гоблины, злобные гады, человечинку при случае наверняка жрут за милую душу...

«Так, стоп! — остановил я себя. — Ты ничего не знаешь, а судишь о лежащем... лежащей перед тобой особью, пусть и не человеческой расы, по земным представлениям о ее виде. Это как минимум опрометчиво...»

Опять же за неимением гербовой пишут на туалетной. Это я в том смысле, что от гоблинши получу хоть какие-то данные — ну, например, в какой стороне искать людей. А то, может, я как раз в царство этих самых гоблинов направляюсь, где меня и скушают со всем их удовольствием. Это будет не слишком весело... для меня точно, а гоблинам — наверняка наоборот, праздник, деликатесный дюфцит... может, даже торжества устроят.

Это географическое обстоятельство и нежелание быть главным блюдом решили все мои размышления в пользу человека... то бишь в данном случае гоблинолюбия... хоть и звучит как-то гадостно — как некро- и зоофилия в одном флаконе.

Женщина опять же...

В общем, отбросив подальше обсидиановый нож, я принялся лечить. Лекарь из меня — как папа римский, но за неимением гербовой... буду лечить я. Первым делом убедившись, что пациент скорее жив, чем мертв, дыхание есть, сердцебиение тоже достаточно сильное, живучий народ эти лопоухие, я достал из аптечки иголку и вддел в нее шелковую нитку. Требовалось как можно скорее закрыть раны и остановить кровотечение.

Использовать медикаменты, обезболивающее я не решился. Вдруг подействует как яд? Не человек же лежит передо мной.

Первым делом промыл водой из фляжки с разбавленной в ней маленькой щепоткой марганцовки и зашил самую большую и кровоточащую рану на правой ноге, потом — рану, лишь немного уступающую по размерам первой, на левой. Хорошо, что до вен не добрались клыки лесных пластических хирургов. Оплошали серые.

Дальше промывал и зашивал раны по всему остальному телу — подрали ее знатно, живого места не осталось, учитывая царапины от когтей, даже грудь левую зашил. Тут я ничего не чувствовал. Во-первых, хоть она и женского пола, но не человек, а во-вторых — пациент. А так...

Зашив, замазал все йодом (весь флакон извел, царапин не счесть) и слегка забинтовал. Точнее, прижал к ранам бинтом, которого у меня всего один пакет, широкие листья с ближайшего куста исключительно для того, чтобы грязь не попала.

Ох и умаялся я! Шил, наверное, часа полтора, не разгибая спины, только оглядывался изредка по сторонам. Костер успел прогореть, лишь угли тлели, спасал только светодиодный фонарик, а уж сколько швов пришлось наложить — и ведь не простые стежки делал, чай, не рваный носок штопал, а полноценные хирургические, каждый стежок отдельно! И все в кровище, иголка выскальзывает... Даже порванное ухо ей заштопал.

Кстати, от гоблинши особо и не пахло, разве что слегка и не остро — все-таки долго и быстро бежала, спасаясь от хищников, вспотела. А то обычно дикарей изображают жуткими вонючками, в волосах которых чуть ли не мыши живут и гады. И это, на мой взгляд, как минимум странно. Сами посудите, ведь дикари — охотники, и лишний запах им совсем ни к чему, дичь вся разбежится, заходи они хоть трижды с подветренной (или наветренной?) стороны, сами ни черта из-за своего амбре не почувют и останутся голодными, так что волей-неволей личную гигиену начнешь соблюдать: урчащее брюхо заставит.

Скорее излишняя телесная вонь — это сомнительное завоевание цивилизации, когда у людей ум за разум заходит, про всякие там телесные защитные пленки, данные от рождения, что смываются во время омовения. Это я про Средневековую Европу намекаю. Особенно воняют двинутые на почве религии — это я уже про орден тамплиеров, где омовение было чуть ли не запрещено!!! Ох и вонючие были парни! Комары, наверное, еще на подлете дохли... А уж какой духан стоял в казармах рыцарей! Бухенвальд плачет от зависти.

Закончив работу, убедился, что пациентка все еще жива и никаких дополнительных мер вроде не требуется, тем более что я ничего сделать уже не в силах. Все, что мог, сделал. Разве что массаж сердца и дыхание рот в рот... но не уверен, что я обрадовался бы последнему, — ведь зубки она все же вряд ли чистила регулярно. Хотя опять-таки именно дикари усердно чистили зубы палочками, так что кто его знает, кому будет «приятнее». Я, надо сказать, гигиену несколько забросил.

Перенеся пациентку на плот, завернул ее в спальный мешок для сохранения тепла, так как крови она потеряла ну очень много.

После чего занялся волками. Не смог удержаться от того чтобы не выбить им клыки. Трофей. Все туши сбросил в реку.

Ворохнулся в душе хояк, но несильно. Возиться с их шкурами как-то влом. Во-первых, весь мой опыт сдирания шкур заключается в обдирке в детстве полтора десятков сусликов. А здесь громадные волки. Возни много, а толку чуть. Ну не знаю я, как правильно обрабатывать шкуры, да и ингредиентов нет. Завоняют, пропадут — столько труда напрасно канет втуне.

В последний момент одну тушу выловил назад и разделал. Пациентке после пробуждения потребуется жратва, а другой пищи у меня нет. НЗ¹ тратить не хотелось.

Вырезал печень, немного нарезал мяса и принялся последнее варить в котелке. Сам я волчатину есть не буду, но гоблинке сойдет.

Пока варилось мясо, а вариться волчатине, как и собачатине, надо долго, я, время от времени снимая пену, стоял на часах, осматривая окрестности как небооруженным, так и вооруженным глазом, то есть посредством видеокамеры в режиме ночного видения. Слава местным богам, никого не принесло на запах крови (ее пятна я постарался уничтожить, как мог, огнем с применением бензина, изведя его до капли) и

¹ Неприкосновенный запас.

дыма. Хотя вполне возможно, что хищники удовлетворились снесенными тушами волков.

Подступил рассвет, и на душе сразу как-то стало легче. День гонит страхи прочь. Впрочем, как и определенную решимость: сколь ни странно, а ночью все кажется более осуществимым, чем днем... Что поделаться, ведь ночь — время фантазии, а день — суровой реальности.

Присев рядом с плотом, на котором все еще без сознания лежала гоблинка, принялся за рыбалку. На этот раз попались мелкие рыбешки вроде подлещиков и такие же костистые.

А гоблинка страдала в горячке, обильно обливаясь потом, горела... Пришлось ее обтирать и поить наваристым бульоном. После кормежки она ненадолго пришла в себя, посмотрела на меня мутным блуждающим взглядом и вновь отключилась.

Понятное дело, в таком состоянии она путешествовать не может, да и я желанием не горел, пока не разберусь с географией хотя бы на самом примитивном уровне, а то и вправду попаду в котел на обед к каннибалам. Пришлось ставить полноценный лагерь и продумывать вариант того, как я буду Зеленоглазку — так я прозвал гоблинку за темно-зеленые глаза — втаскивать на дерево. Не хочется мне еще раз провести ночь на земле, вздрагивая от каждого шороха и вскрика.

Раны у Зеленоглазки опухли, что неудивительно, и я все же рискнул дать ей антибиотик и вновь промыл раны раствором марганцовки.

Соорудив платформу из жердей, с помощью веревки я затащил ее на второй ярус исполинского дерева, где решил обустроиться, и даже поставил на таком же основании из жердей палатку. Там же сделал очаг из камней, и теперь можно было на землю вообще не спускаться, разве только за водой.

Собачье мясо пришлось выбросить, Зеленоглазка все не приходила в себя — и неудивительно, хотя жар к утру следующего дня заметно спал и лихорадка ее колотила не так сильно. Видать, антибиотик сделал свое благое дело.

Но мяса на следующий день я все же добыл. На противоположном берегу показались кабаниха с кабанятами, и одного поросенка-полосатика я свалил из винтовки. При-

шлось сгонять туда на плоту, пока мою добычу не оприходовали. Хищников — тьма.

Когда разделал тушу, пришла в себя Зеленоглазка, все еще слабая, потому, наверное, сильно меня и не пугалась, хоть и вздрогнула.

— Ешь...

Я, насадив на палочку с одноразовой пластиковой тарелки кусочек слегка прожаренной печенки с кровью, протянул ей. Зеленоглазка упрямитесь не стала и довольно живо слопала все, что было, запив это мясным бульоном, — вот и банкигодились как посуда а-ля кружка для гоблинки.

Налопавшись, бледная — в смысле очень светло-зеленая — Зеленоглазка вновь погрузилась в целебный сон. Я же принялся за зубы волков, решив сделать из них нечто вроде ожерелья, только не на шею, а на шляпу, как у Крокодила Данди.

Давно мечтал — и вот мечта стала былью, правда, в ином измерении, чтоб его... Муравьи, в чей муравейник я бросил трофеи, хорошо почистили клыки, я еще в кипяточке с марганцовкой ими побулькал. Мучиться особо не пришлось. Нитка есть, иголка есть, есть даже камуфляжная ленточка, на которую я эти зубы и нашил, после чего приспособил все к шляпе. Получилось неплохо — по крайней мере, мне понравилось. Грозно, блин.

Подумал было, что, наверное, еще и хвосты следовало отрезать, подвязал бы к плечам... Но потом понял, что не стоило: их ведь еще обработать надо, а так вонять начнут.

К вечеру третьего дня Зеленоглазка выглядела уже неплохо и, все еще немного шугаясь, приняла от меня вареное мясо кабанчика и бульон. Съела так, что за ушами трещало.

В качестве жеста доброй воли и дабы избежать эксцессов, я протянул Зеленоглазке ее нож, сделав к нему ножны из баночной жести и веревочку, чтобы можно было на шее носить, как это делал Маугли в мультике. И очень надеялся, что она не кинется на меня с оружием.

Долго думал, давать его ей или нет. С одной стороны, дикарка ведь, да еще гоблинка — кто ее знает, как она себя поведет, да еще с человеком: возможно, мы их лютые враги — может и кинуться с кличем камикадзе. А с другой стороны,

нужно сразу расставить все точки над «ё» и понять, получится у меня с ней диалог или нет. Нож в этом плане, как лакмусовая бумажка, покажет все без прикрас. Опять же увереннее себя чувствовать станет — поймет, что она не пленница, я ее считаю неопасной, равной, ну и все такое прочее психологическое...

Не напала. Повертела нож в руке, пару раз сунула-вынула из ножен, посмотрела на зашитые раны под частично слезшими бинтами... Раны, кстати, заживали, что называется, будто на собаке! Собственно, такая регенерация не снилась вообще никакой собаке. Похоже, швы можно будет через пару дней снимать. Ну вот, посмотрела на зашитые раны, свой ножичек в руках — и сделала правильные, нужные мне выводы, что убивать ее никто не собирается, и окончательно успокоилась.

Ну что ж, можно приступать к какому-никакому разговору. Начнем, пожалуй, с имен.

— Кирилл, — представился я, показав на себя рукой, а потом переведя руку на гоблиншу с немым вопросом — типа, а тебя как, красавица лопухая, звать-величать?

— Галлогала, — представилась она.

— Галлогала, — повторил я, показывая на нее.

— Галлогала, Кириэл...

— Кирилл.

— Кириэл... — вновь выдала она.

— Ладно, пусть так... — махнул я рукой, понимая, что речевой аппарат гоблинки не сможет выдать мое имя более правильно. — Кириэл так Кириэл, мне по барабану.

Отлично. Айкью у гоблинки на удивление достаточно высок, она понятлива и идет на контакт. Это радует, плодотворное общение возможно. А то я боялся, что придется попотеть. Теперь надо выяснить, в какой стороне люди.

Вопрос в том, как обозначить понятие «человек»?! Вот же засада на ровном месте! И что теперь делать?

Тут мне в голову пришла идея обратиться к наскальным рисункам, столь любимым дикарями. В смысле бумажным. Достал из рюкзака блокнотик, карандаш и стал достаточно схематично рисовать гоблина и человека. Благо одно отличие легко бросается в глаза — уши. Вот уши и выделил.

Медленно, чтобы не пугать, подсел к Зеленоглазке-Галлогале. Дергаться она не стала, хотя на ножичек покосилась. Ну да ладно...

Показал на себя и человечка на рисунке, потом на нее и на лопоухого человечка на листке. После этого еще раз показал на себя и рисунок человечка и махнул рукой по сторонам, в смысле, где эти человечки живут ближе всего.

— Где?

Галлогала нахмурилась — видать, не сразу въехала в то, чего от нее хотят, но потом ее лицо озарилось, и она махнула наименее пострадавшей рукой в сторону западных гор. Точно умная.

— Торэ лалеки... торэ лалеки...

Понятно. Люди где-то там, на западе. Непонятно только, что означает «торэ», а что «лалеки». Но одно из них явно означает «люди», а второе слово — «там, туда, в той стороне». Хотя кто его знает, я не лингвист. Я иностранный язык в школе едва на тройку вывел. Не мое.

— Торэ лалеки? — переспросил я, чтобы удостовериться, что понял все правильно.

— Харэ, — согласно кивнула Зеленоглазка. — Торэ лалеки.

— А там есть торэ лалеки? — указал я на север.

— Мэне торэ лалеки, — отрицательно качнула головой Зеленоглазка. — Торэ голоны...

Голоны — это, наверное, гоблины или еще кто-то, решил я и, указав по очереди на север, восток и юг, спросил:

— Торэ голоны?

— Харэ... — подтвердила Зеленоглазка.

Ну вот и все, собственно, цель достигнута, лечение окупилось жизненно важным знанием, я получил от Зеленоглазки все, чего хотел. Направление известно, можно собирать манатки и сваливать в край людей, пока меня тут не слопали как главное блюдо на дне рождения вождя.

«А она?» — вдруг спросило меня мое второе «я», или иначе совесть, будь она неладна, — вечно лезет, куда ее не просят, в самый неподходящий момент.

А чего она?

«Подохнет ведь...»

Ну дык а мне какая печаль? Не я, так давно волки бы ее на удобрение пустили.

«Мы в ответе за тех, кого приручили», — назидательно заметило мое второе «я».

Гы, если она вообще приручаема. Я, например, не рискну спать с ней на одном ярусе. Собственно, если по уму, ее вообще в расход нужно пустить, от греха подальше...

На это моя совесть ответить ничего не смогла. Видать, подавилась словами от шока. Мучился, спасал — и в расход? Сильно.

Но в расход пустить я эту лопухую красотку, к которой, прямо скажем, уже привык, как-то, естественно, не мог. Действительно, как минимум жаль своего труда, ну и не убийца я. Опять же человек — стадное животное, ему спутники нужны.

Приодеть бы ее не мешало, подумалось мне, когда Зеленоглазка вылезла из мешка по естественным надобностям и справила их с настила под корни. Ей-то, может, сверкать упругой заштопанной попкой и прочими прелестями не привыкать — святая дикарская простота, — а мне как-то неудобно, мыслишки, знаете ли, определенного рода в голову лезут... организм-предатель в одном месте определенным образом реагировать начинает.

Гы-ы... Возникла еще шаловливая мыслишка фотосессию устроить в стиле «ню». Но не стал. Нехрен дурью маяться. Да и фотомодель несколько не в кондиции в плане внешности — свежие шитые раны выглядят не шибко соблазнительно. Может, потом как-нибудь. Хи-хи...

Порылся в рюкзаке и достал зеленые шорты с камуфляжной майкой. От шортов мне тут толку нету, разве что комарам на радость в них щеголять, а ей в самый раз — гоблинов комары, похоже, не жрут. Дискриминация по расовому признаку, блин! Комары-расисты! Майку разве что жалко, ну да ладно... у меня еще одна есть.

Дал Зеленоглазке и помог одеться, чтобы задом наперед не получилось, показал, как работает молния. Это привело ее в полный восторг. Она, позабыв обо всем на свете, еще долго играла с замком... чисто ребенок. А может,

и впрямь ребенок? Хотя вряд ли, но то, что она молода, — это точно.

Вновь подкатила темнота, намекая, что пора делать баюшки-баю... Я залез к себе и заперся в палатке со всем своим снаряжением, а то как бы не ограбила. Дикари — они ведь вороватые, тянут все, что плохо лежит, а все, что лежит хорошо, переводят в состояние «лежит плохо» и далее по тексту...

В палатку опять же незаметно не проникнуть. Чего уж тут скрывать — я опасался. Хоть я ее и спас и она должна быть мне обязана по гроб жизни, но кто знает их образ мышления? Может, тюкнуть камнем по башке — это местное выражение почтения? Шутю, конечно, но все же...

И еще я надеялся, что утром Зеленоглазки не увижу, то бишь она потихоньку свалит от меня куда подальше (и хрен с этой фотосессией), — ведь окрепла достаточно (все же до чего живучие эти гоблины!), ведь бежала же она откуда-то куда-то, где-то есть ее дом — будь то пещера, кочевая юрта, землянка или гнездо на дереве...

Не свалила. Пичалька.

Остается только надеяться, что она не сядет мне на шею и не свесит ножки...

Пришлось задержаться еще на один день. На завтрак, обед и ужин подстрелил какую-то полосатую парнокопытную зверушку с рожками. Зеленоглазка мне достаточно активно помогла разделать тушу. Шкуру она выпросила себе и к вечеру после легкой обработки скребком, сделанным из ближайшего булыжника, и золой, с вымачиванием в каких-то густо пахнущих горечью травах, сшила мокасины и сумку по типу моего рюкзака, то есть с ляжками. В дополнение к ножу вооружилась парой коротких дротиков с копье-металкой, приспособив сыромятной кожей каменные наколенники, что тоже изготовила при мне. Амазонка-на...

К обеду я присел рядом с ней и, показав на раны, легонько поддел один шов, сделал движение пальцем, имитирующее срез. После чего медленно достал нож и срезал первую стяжку, резко дернув ниточку из плоти. Зеленоглазка чуть вздрогнула, а потом принялась сама снимать с себя швы, орудуя своим бритвенно-острым каменным ножом. Правда,

до всех ран, тех, что сзади, на спине, она дотянуться не могла или рисковала сделать себе новые, и там опять пришлось работать мне.

Ну, теперь точно все. Завтра поутру выдвигаюсь на запад, к людям.

ГЛАВА 3

Галлогала. Гоблинка из стаи Сломанный Клык

Я бежала, запутывая следы в лесу. Схватка за власть проиграна. Я жестоко ошиблась — верховная мать стаи оказалась гораздо сильнее, чем можно было предположить, и слабость, которую она испытывала последние дни и которой я решила воспользоваться, чтобы занять самое почетное место за костром на шкуре бадраха, не помешала старой карге, понесшей двадцать выводков и готовящейся понести двадцать первый, меня одолеть.

Я бросила вызов слишком рано. Следовало подождать еще немного. День, два... Может, слабость подкосила бы здоровье верховной матери еще сильнее, и тогда... Тогда меня мог бы кто-нибудь опередить. Та же Калларина... моя сестра по выводку. Или Парелла, также сестра, но из предыдущего выводка. Парелла — самая старшая из нас. Все дочери из предыдущих выводков давно отправились на перерождение, и тем более не осталось ни одной сестры нынешней великой матери.

Если бы великую мать победила кто-нибудь из них, то мне уже можно было забыть о титуле великой матери. Победительница быстро загнобила бы всех конкуренток на шкуру бадраха, как, впрочем, это сделала бы и я...

Да, мать оказалась сильна... наверное, даже не столько сильна, сколько опытна. Да, это, пожалуй, будет вернее... опытна. Она одолела меня не силой и не скоростью, стремительностью выпадов, а именно опытом, словно предугадывая все мои движения еще задолго до того, как я начинала действовать. Собственно, вся моя сила и скорость только и помогли мне остаться в живых и бежать. Редко кто из бро-

сивших вызов великой матери оставался в живых, но мне повезло...

И о чем я только думала?! Ведь сколько раз ей бросали вызов до меня?! Много, очень много... Сама была свидетельницей не меньше раз, чем пальцев на руках, не говоря уже о том, что она когда-то бросила вызов предыдущей великой матери...

Но так желают духи, чтобы племенем правила самая сильная, чтобы потомство было самым здоровым. А кто может принести самое здоровое и сильное потомство? Конечно, самая сильная и здоровая, молодая...

Схватка была не на жизнь, а на смерть. Осознав, что победы не достичь и меня ждет неминуемая смерть, все же я хорошо потрепала великую мать (скорее всего, я оказала большую помощь кому-то из оставшихся претенденток на шкуру бадраха, кто непременно воспользуется еще более сильным ослаблением великой матери от схватки со мной) и она очень обозлилась, — я, собрав остатки сил, бросилась прочь.

Как я и думала, великая мать не пожелала меня отпустить, послав погоню из прибудных самцов, ушедших из своих стай в надежде стать доминантом в других стаях и дать свое потомство от великой матери. Остался только тот, кого я присмотрела для продолжения потомства, — оно и понятно: вдруг он мне поможет бежать. Ведь лучше завести потомство от беглянки, создав собственную стаю, чем оставаться в вечных кандидатах.

Собственно, схватка с великой матерью была неизбежна, потому как глупо надеяться, что великая мать ничего не заметит. А ей конкурентки в великой миссии главы стаи не нужны, и либо я победила бы ее, либо великая мать сгнобила бы меня, так что никто из прибудных даже подумать бы не посмел, чтобы оказать мне знаки внимания, чтобы не быть изгнанным, став одиночкой, кои долго не живут, и навсегда потерять возможность стать одним из продолжателей рода, в чем заключается цель всех самцов. Ради чего они постоянно выясняют, кто из них сильнее, дабы приглянуться великой матери.

Но настаивающей меня, несмотря на все мои старания запутать и скрыть следы, погоне не повезло. Они так увлек-

лись преследованием, что проморгали стаю волоканов, пошедших по их следу. Да и мне радоваться тоже особо нечему. Возможность прожить на несколько минут дольше, пока волоканы будут расправляться с рукой¹ прибудных, не так уж вдохновляет. А уйти от этих зверей невозможно. Можно лишь продлить свою жизнь еще на несколько дней, взобравшись на дерево, но не спастись. Волоканы будут сторожить тебя внизу, пока ты не свалишься, обессилив от голода и жажды.

Но вот прибудные задраны. Оставалось лишь надеяться, что им удалось хорошо побить стаю и серьезно ранить оставшихся в живых. Тогда шансы на спасение многократно возрастали. Мне останется только достичь реки, перебраться на другой берег и уйти в отрыв, потому как волоканы быстро ослабеют от ран, и хорошо, что я сама не получила в поединке ни одной серьезной раны от великой матери...

Но нет, прибудные самцы сплеховали, о чем сказал победный вой. Может, они и ополовинили стаю, но оставшейся половины хватит, чтобы меня догнать и растерзать. Можно было еще надеяться, что добычи волоканам хватит и они забудут про меня, но второй вой сказал, что эти надежды напрасны.

Я ускорила бег насколько возможно, каждое мгновение из-за непроглядной тьмы рискуя сломать себе шею, споткнувшись о корневище или запутавшись в траве.

Волоканы близко. Они начинают захлопывать капкан, о чем свидетельствуют их короткие потягивания — так они разговаривают между собой, координируя свои действия. Река уже близко, но она меня не спасет. Волоканы настигнут меня в воде...

За что, духи!

Наверное, за то, что я все же проиграла схватку с великой матерью, оказалась недостойна, недостаточно хороша, чтобы продолжить род и возглавить свою стаю, а значит, должна умереть. И если великая мать не смогла меня убить, то за нее это сделают духи леса, натравив волоканов.

¹ С пятеркой (рука — пять пальцев).

Захотелось остановиться и дать задрать себя зверям и уйти на перерождения, в надежде, что в следующем круге жизни мне повезет больше, — ведь духам леса бессмысленно сопротивляться, так или иначе они добьются своего. Но что-то во мне не пожелало умирать так просто, опустив руки, и продолжало гнать вперед. Может, я ошиблась... опять ошиблась, и духи хотят чего-то другого, а не моей смерти, иначе зачем им придавать мне сил?

Волоканы совсем близко, до реки осталось всего ничего, я уже чую запах воды... и чего-то еще... но некогда разбираться, что к чему, нужно встречать врага. Я развернулась навстречу волокану, выставя свой нож. Смерть пришла, но я заберу с собой как можно больше этих тварей, духи леса будут довольны мной и даруют достойное перерождение...

Отбить слюнявую пасть пустой рукой — и удар ножом под брюхо...

— Где вы, духи?

О духи, как больно!!! Но что это значит? Я жива? Ведь духи не ведают боли... о духи... как же больно... заберите меня к себе!

«Дух?!» — подумала я, увидев перед собой странное — размытый пятнистый контур, сливающийся с листвой.

Телесные страдания, пусть и не такие сильные, как раньше, подсказали, что духи не пожелали забрать меня в свой мир и отправлять на перерождение. Оставили страдать.

Тогда зачем он проявился передо мной? Хочет что-то сказать?

Нет, не сказать, а напоить... Странно...

В очередное пробуждение я поняла, что меня посетил не дух. Меня кормил человек в пятнистой шкуре... и сама я в коконе, как какая-то личинка... пошевелиться невозможно, да и больно.

Сначала я сильно испугалась человека. Ведь эти существа хоть и редкие гости в наших лесах, я сама видела их всего единожды, но они всегда стремятся убить кого-то из нас, как только увидят. Мы отвечаем им тем же, бросая в них копья из кустов и камни с деревьев, ставя у них на пути капка-

ны в земле и самостоятельно срабатывающие ловушки с кольями из гибких веток.

Но этот человек меня не убил, более того — защитил от волоканов (он их убил, иначе бы звери меня задрали), лечит и кормит. Что же это значит? Не иначе лесные духи-покровители послали его ко мне... Но зачем? Хотя кто знает мотивы лесных духов. Даже шаманы не всегда понимают, что хотят до них донести духи во время камланий...

Потом человек отдал мне мой нож... в чехле. Нож выходил с легким шорохом, что не очень хорошо. Лучше, если чехол из шкуры: тогда нож будет выходить без шума и никто не услышит...

Потом мы поговорили, представились, и человек с помощью картинок на странных белых ровных листах дал понять, что хочет узнать, где живут его соплеменники. Я показала.

А потом он подарил мне свою одежду, такую же пятнистую, как у него!

Что это значит, духи?! Ведь когда приبلудные приходят в стаю и дарят великой матери подарки, то это... Он хочет, чтобы... нет, вряд ли... все-таки он человек... и я не великая мать, у меня нет стаи... но если человек ведом лесными духами, а я могу основать свою стаю, то это значит, что...

Нет, с духами никогда не знаешь, что может что-то значить. Все слишком неясно. Надо подождать и получить дополнительные, более точные знаки. Да, так и поступлю, подожду новых знаков от духов!

Хотя...

Нет, не надо спешить. Тем более что он не пришел ночью, даже более того — заперся в своем жилище из ткани, не выражает готовности, и я не могу его призвать. Так чего же хотят духи?

Человек, убедившись, что мои раны окончательно срослись, снял первые швы из волос... или не волос, но точно не сухожилий... а потом помог избавиться от них там, куда я не могла дотянуться и не видела.

А очередным утром он стал собираться. Скотал свое жилище из ткани, развязал плот, забрав веревку, заготовил довольно много еды.